

**ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ КОММУНИКАЦИИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ
СРЕДЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

В статье рассматриваются условия возникновения и распространения слухов в крестьянской среде в начале XX века. На основе анализа архивных документов и научной литературы автор определяет «слухи и толки» как важный побудительный мотив социального поведения и как форму обыденного сопротивления крестьянства

Ключевые слова: крестьянство, социальные представления, способы коммуникации, слухи, поведение, обыденное сопротивление.

Учитывая почти тотальную неграмотность сельского населения Российской империи, нельзя не признать уникальной возможность изучения содержания социальных представлений крестьянства посредством обращения к «слухам и толкам». Природа появления и распространения слухов объясняется совпадением двух главных условий. С одной стороны, подчеркиваются необходимость заинтересованности массовой аудитории в определенной проблеме, высокая актуальность ее и связь с жизненными потребностями людей, с другой – обязательно присутствие неудовлетворенности такого интереса [1, с. 291]. В связи с этим «народную молву» и слухи (как особую форму функционирования массового сознания) можно интерпретировать двояким образом: как способ дефиниции максимально значимого и неудовлетворенного социального интереса либо нежелательных ожиданий аудитории, а также как механизм стимуляции социального сопротивления путем тиражирования агрессивного эмоционального состояния.

Еще одной особенностью крестьянского восприятия социально значимой информации является его ярко выраженный мифологизированный характер. Вся система аргументации выстраивалась в крестьянском сознании, в первую очередь, с позиций веры, на доминанте иррациональных побуждений, сфокусированных на необходимости реализации архаической программы. Поэтому «легковёрность» русского крестьянина носила избирательный характер, что отмечалось еще исследователями XIX столетия [2, с. 454]. Здесь, по всей вероятности, нашел свое отражение один из важнейших параметров, определяющих массовое сознание, – фанатизм убеждений и верований. Своими корнями данный феномен уходит в самые архаичные представления человека о сверхъестественной предопределенности своего существования. Коллективизм русской общины, привычка к проявлениям именно массовых форм сознания и деятельности также свидетельствуют в пользу высокой степени мифологизированности.

В целях конкретизации высказанных суждений следует обратиться к анализу содержания слухов, имевших хождение в начале XX века в средневожском регионе.

* © Сухова О.А., 2010

Сухова Ольга Александровна (suhhov747@yandex.ru), кафедра новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

Данные архивных документов со всей очевидностью свидетельствуют о воспроизводстве в крестьянском обыденном сознании отдельных элементов социальной утопии. В частности, в информационном поле крестьянского социума можно зафиксировать сохранение образа «праведного» царя, что доказывает появление легендарных повествований, воспроизводивших, пусть фрагментарно и поверхностно, архаичные сюжеты об избавителях [3, с. 24, 219]. На подобном основании построил свою систему аргументации «косник» (торговец косами. — прим. О.С.) Иван Семенов, распространявший слухи о грядущем «черном переделе» в Пензенском уезде в 1902 г. В с. Белокаменке некоторые крестьяне «уверовали пропаганде» и отказались брать «землю из доли» в местном имении. В ходе дознания, проведенного уездным исправником, выяснилось, что косник Иван Семенов (Аношкин) читал в селе неграмотным крестьянам «газетку», в которой якобы сообщалось (по показаниям крестьянина И. Синявина), что «приезжал Государь к ним в Курскую губернию и говорил с волостными старшинами и сельскими старостами о земле, что землю от помещиков можно отбирать не грабежом, как было в некоторых губерниях, а законом, и обещал крестьянам не оставить их своим попечением...» [4. Л. 225–226]. Примечательно, что слухи имели под собой реальную основу. В одном из своих выступлений перед старшинами и сельскими старостами 1 сентября 1902 г. в Курске Николай II обратился к представителям российской деревни с призывом «не верить вздорным слухам»: «Помните, что богатеют не захватом чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим» [5, с. 263]. Однако в интерпретации косника данный факт приобретает явно легендарную форму. По словам свидетеля Л. Поханова, И. Семенов рассказывал крестьянам, что в газете пишут, как «приезжал Государь с персидским шахом в Курск на маневры, как, не доезжая до Курска верст восемь, Государь и Шах персидский сошли с экипажей и шли пешком, по улицам города разстилали сукно, как курский Епископ встречал Государя и сколько было войск». Царская воля, выраженная словами: «не богатство грабежом, а богатство законом», преломляясь в зеркале представлений родового сознания, самым естественным образом превращалась в обещание «черного передела».

Несмотря на значительную степень формализации легендарного представления об «избавителях», данный компонент присутствовал и в слуховом пространстве региона в период революции 1905–1907 гг. Распространение оппозиционных настроений, трансляция протестных по своему характеру суждений также вынуждена была рядиться в одежды, соответствующие уровню и особенностям развития крестьянского правосознания, в противном случае степень воздействия резко снижалась. Так, в ноябре 1905 г. в поселке и на самой станции Арапово Пензенской губ. из уст в уста передавалось сообщение о том, что «из города Саратова через город Тамбов шла громадная партия крестьян числом более 1000 человек под предводительством какого-то человека, именовавшего себя “царем Захаром”, и другая партия оттуда же через г. Пензу под предводительством “царя Никиты”; обе эти партии имели направление на ст. Арапово с целью разграбления по пути всех экономий» [6. Л. 67]. Слухи о том, что всеми крестьянскими погромами руководит некий Захарий, именуемый себя царем и окруженный свитой из «генералов» в мундирах и орденах, на протяжении длительного периода функционировали в г. Балашове «Саратовской губ». Рациональное звено, послужившее источником слухообразования, позволяет выявить обращение к периодике того времени. В одной из публикаций Саратовского листка можно почерпнуть информацию о том, что в ноябре 1905 г. во время разгрома имения князя Прозоровского восставшие захватили древнюю княжескую одежду, в которую многие и облачились [7, с. 3].

Распространение легенд об избавителях свидетельствует о востребованности монархического идеала в народном сознании и о серьезном расхождении наличного и

потребного в содержании образа. Не следует сбрасывать со счетов и утилитарно-прагматическое предназначение крестьянского монархизма. Демонстрация наивной веры в то, что, совершая неугодное писаным законам противоправное деяние, крестьяне действуют во имя царя или по его благословлению, создавала, по всей вероятности, произвольное, вызванное не трезвым расчетом, а, скорее, вызревшим в недрах социальной утопии компенсационным психологическим механизмом, чувство уверенности в минимализации возможной ответственности.

Таким образом, материалы делопроизводственной документации местных органов власти выступают, в том числе, и в качестве источника для изучения социальных предвзятостей и поведения крестьянства. Подытоживая результаты анализа уникальных данных, представленных в донесениях губернаторов, начальников ГЖУ и т. п., можно выделить следующие положения: характеристика содержания слухов свидетельствует, что социальные ожидания основной массы населения империи аккумулировала идея «черного передела», реализуемая посредством монаршего распоряжения; фактором «запуска» процесса слухообразования выступали реальные, хотя и экстраординарные, факты; и, наконец, традиционные способы крестьянской коммуникации следует рассматривать как побудительный мотив и как форму социального сопротивления.

Библиографический список

1. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 368 с.
2. Нелепые толки и надежды помещичьих крестьян. Записка Корибут-Дашкевича (1859) с предисловием Н.П. Семенова // Русский архив. 1874. № 8.
3. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
4. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7417.
5. Слепнев И.Н. Монарх, крестьянство и вопрос о земле в начале XX в. // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002.
6. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7595.
7. Саратовский листок. 1905. 5 ноября. № 218.

*O.A. Sukhova**

THE TRADITIONAL METHODS OF COMMUNICATION IN THE PEASANT ENVIRONMENT AS FACTOR OF SOCIAL DYNAMICS IN THE PERIOD OF REVOLUTION SHOCKS (ON THE MATERIALS OF MIDDLE VOLGA)

The conditions of occurrence and distribution of hearings in the peasant environment in the XX century beginning are considered in the article. On the basis of the analysis of archival documents and scientific literature the author defines «hearings and rumours» as the important incentive motive of social behaviour and as the form of ordinary resistance of peasantry.

Key words: peasantry, social perceptions, ways of communication, hearings, behaviour, ordinary resistance.

* *Suhova Olga Alexandrovna* (sukhov747@yandex.ru), the Dept. of Modern History of Russia and Local History, Penza State Teacher Training University V.G. Belinskiy by name, Penza, 440026, Russia.